

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЙ ИДЕАЛИЗМ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ФИЗИКА

«Во всякой философии собственно философское — это метафизика науки. Все науки, в которых употребляется разум, имеют свою метафизику».

И. Кант (Reflexionen, 5681).

В этих немногих и точных словах Кант сам определил то значение, которое имела для него наука. Речь идет о математическом естествознании, «науке о внешней природе», ибо только за ней Кант признавал право быть «наукой в собственном смысле слова» (6, 56). Факт существования глубокой связи между трансцендентальной философией Канта и естествознанием очевиден, и он никогда не ускользал от внимания кантоведов¹. Вопрос в том, какова именно эта связь и какое значение имеет ее выяснение. Наиболее интересным и теоретическим важным представляется выяснение связи теоретического ядра «критической философии» — трансцендентализма — с теоретическим центром естествознания XVIII века — математической физикой. Глубина и многогранность этой связи позволяют говорить о естественнонаучной детерминации философии Канта, во многом определившей ее проблемный, концептуальный состав, сам «трансцендентальный» способ философствования. Фундаментальное значение математической физики для интерпретации философии Канта обуславливается тем, что «философия науки», гносеология и онтология слиты в ней в единое философское учение. Марбургская школа неокантианства внесла, как известно, наибольший вклад в западном кантоведении в исследование интересующего нас отношения. Однако идеалистическое искажение кантовской системы, непонимание ее основного замысла² привело неокантианцев к весьма одностороннему и тенденциозному освещению и данного вопроса. Кроме того, прошлое философской мысли рисуется нам с изменением обстоятельств места и времени в новой перспективе. Поэтому многое в исследовании связи философии Канта с теоретической физикой надо начинать сначала.

Мы рассмотрим здесь лишь один аспект этой связи. В. И. Ленин считал компромисс между материализмом и идеализмом основной чертой критицизма³. Он отмечал несовместимость взглядов марксизма и кантианства, «коренное расхождение» между ними по ряду основных философских проблем. Вместе с тем исследования последних лет показывают, с какой глубиной ставил Кант эти проблемы. Важно поэтому выяснить причины, обусловившие идеалистические стороны трансцендента-

лизма. Мы рассмотрим некоторые из тех корней идеализма Канта, которые связаны с математической физикой. Это позволит нам лучше понять историческую обусловленность, степень «привязанности» трансцендентализма к физике того времени, а тем самым его реальное содержание и современное значение. Идеалистические интерпретации физических теорий создаются и сегодня. В. И. Ленин писал в связи с этим о необходимости союза философии и естествознания для борьбы с ними. Философия Канта поистине уникальна в ее отношении к науке о природе, и уроки своеобразного «союза» философии Канта и физики Ньютона полезно учитывать не только в идеологическом аспекте, но и в плане позитивной разработки системы марксистской философии.

Корни идеализма Канта двоякого рода: они обусловлены амбивалентностью трансцендентализма как мировоззрения и, одновременно, логико-методологической концепции. Гносеологическим корнем не может быть просто «непонимание» чего-либо. К учению о трансцендентальной идеальности природы привели Канта его фундаментальные открытия, которые он, однако, не смог объяснить иначе, как при помощи идеализма. Теоретически важны также не исторические или генетические, но проблемные, логические связи известных реальных черт физико-математического познания с идеалистическими сторонами трансцендентализма.

Эти последние были вызваны к жизни прежде всего трудностями «включения» естествознания, современного Канту, в систему философского мировоззрения. Известно, что Кант решал задачу согласования свободы человека и закономерности природы в рамках единого и непротиворечивого учения. Он рассматривал проблемы анализа научного знания в контексте проблемы человека, стремясь к целостному его пониманию и избегая сведения различных сторон «человеческой природы» к какому-либо одному ее проявлению. Он оказался, в частности, очень чутким к специфике нравственности, натолкнувшись первым в истории философии «на кардинальную проблему духовной самодетерминации человека»⁴, отличной от его «естественных побуждений», а тем более — от физического механизма. Если наука рассматривается как «аподиктическая наука», то она возможна лишь как априорная наука; а priori можно знать только то, что относится к природе в целом, при этом «необходимость» знания предполагает сплошную детерминированность ее явлений. Таким образом, механическая физика отождествляется с «природой», свободу надо «спасать» от механического детерминизма, а этическая проблематика превращается в онтологическую: свобода превращается в иное протяжение мира по сравнению с царством природы. «Существует два кардинальных принципа всей метафизики: идеальность про-

странства и времени и реальность понятия свободы», — писал Кант⁵.

Ограничение науки сферой феноменов было, по существу, расширением «природы человека», открытием в ней новых «измерений», лежащих вне пределов понимаемой научно-рациональной деятельности. Их онтологизация и противопоставление науке как таковой воспроизводится современной буржуазной философией в иной исторической ситуации. Кантовская линия аргументации дала модель для буржуазной «критики науки», энциклопедию которой можно найти уже у Шопенгауэра⁶. Примечательно, что А. Бергсон, упрекавший науку за «поверхностное восприятие» реальности, понимал ее, в сущности, механически. Так, исторически перспективная идея превращается в реакционную поведь.

Появление опытной науки о природе в XVI—XVII вв. оказало глубочайшее влияние на развитие философской мысли, ибо потребовало коренной перестройки системы знаний, сложившейся в течение столетий. Кант опирался на естествознание не так, как его предшественники. Канта, указывал Г. В. Плеханов, можно считать «самым основательным метафизиком, ибо он пытался пробить брешь в самом опыте. Он из самой науки сделал опору для метафизики»⁷. В постановке вопроса об отношении философии к естествознанию Кант выступает непосредственным предшественником марксизма: рядом с ним тут поставить некого ни в домарксистской, ни в современной буржуазной философии. Он в полной мере понимал, что «метафизика» не может самостоятельно конструировать учение о бытии во всей его полноте. Она может лишь выполнять функцию мировоззренческой интерпретации конкретных наук, для чего необходим также их предварительный логико-методологический анализ. Более того, он понял, что таким путем философия опосредованно все же постигает наиболее общие законы бытия, ибо он определенно рассматривает категории и основоположения «чистого рассудка» и как форму знания, и как основные связи и законы природы.

Создавая систему трансцендентальной философии, Кант опирался на анализ структуры сформировавшейся к его времени, впервые в истории человечества теоретически обоснованной системы экспериментального знания о природе. Ее значение для Канта заключалось в том, что «уже логическая структура натурфилософии Галилея не могла быть представлена средствами категорий традиционного эмпиризма и рационализма»⁸. Именно понятие «опыта» в математической физике и послужило Канту отправной точкой для движения вперед от рационализма Лейбница, эмпиризма Локка и скептицизма Юма. Хотя новое естествознание стремилось опираться только на опыт, появление механики Ньютона показало, что наука о природе опирается не только на опыт, точнее — физический эксперимент,

но и на систему исходных принципов, не выведенных из эксперимента. Посредством этих принципов «метафизика» как бы снова проникла в учение о природе, «пробив брешь в самом опыте». Эту «брешь» и заметил Кант.

В раздумьях над «Математическими началами натуральной философии» сформировался идеал «аподиктической» науки, который оказал решающее влияние на построение всей системы трансцендентальной философии: «наукой в собственном смысле можно назвать лишь ту, достоверность которой аподиктична...» (6, 56). Трудно понять причину уверенности Канта в существовании такой науки, столь высокой оценки современного ему естествознания, тем более, что многие из великих основоположников его (Лейбниц, Гюйгенс, Эйлер, Ломоносов) не разделяли подобной оценки некоторых идей, легших в основу «Начал».

«Мое место,— писал Кант,— плодотворная глубина опыта...» (4 (I), 199). Именно те «многоэтажные» глубины «опыта», которые Кант открыл и описал, освещенные идеалом аподиктической науки, послужили корнем трансцендентального идеализма. Ньютоновская модель мира стала для Канта моделью «познавательной способности» вообще. Из ее материала он построил «чувственность», «рассудок», «пространство», «время» и многое другое (хотя, конечно, не только из нее). Идеал аподиктической и в то же время опытной науки непосредственно приводит к идее трансцендентального. Знание, которое не может иметь источником опыт, но вся достоверность которого основана на его отношении к опыту, и есть «трансцендентальное знание». Вместе с тем абсолютная достоверность знания имеет своей оборотной стороной агностицизм, ибо существование «вещи самой по себе» ставит эту достоверность под угрозу. Характерно изменение смысла термина «трансцендентальный» в философии Канта. Г. Мартин, считающий, что у Канта в какой-то мере сохраняется его старое, схоластическое значение⁹, скрадывает материалистические черты специфически кантовского его понимания. «Трансцендентальное» означает то, «что опыту (a priori) хотя и предшествует, но предназначено лишь для того, чтобы сделать возможным опытное познание» (4 (I), 199). В этом понятии отразился факт предпосылочной структуры теоретического знания по отношению к экспериментальному изучению природы, противоречивого характера научного знания, обусловленного и объектом, и субъектом одновременно. Абсолютизация предпосылок и попытка решить проблему их отношения к эмпирическому знанию приводят Канта к идеализму. Проблема «стыка» теоретического и эмпирического знания, ставшая камнем преткновения для неопозитивизма, — реальный проблемный корень трансцендентализма. Канта, пожалуй, следует поставить впереди не только неопозитивизма, дошедшего лишь до признания невозможности элиминации теоретических понятий, но и «исторической школы философии науки», вновь

«открывшей» предпосылочность научного знания и застрявшей в релятивизме. В отличие от тех и других, Кант не только видел проблему в более широкой «метафизической перспективе», но и по-своему решил вопрос о необходимости теоретических предпосылок науки и их функциях в системе знания. В решении этой проблемы Кант избрал такой путь, который привел его не только к разработке «субъективного метода», ставшего образцом для буржуазной философии XIX—XX вв., но и к идее, содержание которой, по мнению В. С. Швырева, «должно быть так или иначе освоено в качестве исходной теоретической предпосылки методологического исследования»¹⁰. А именно, к идее о существовании субъективных предпосылок объективности научного знания. По Канту, определенная субъективная деятельность создает систему объективного научного знания. Кант — философ, необычайно чувствительный к субъективному. Открытие «глубин субъективности» составило непреходящую заслугу Канта и обусловило как слабые, так и сильные стороны его учения.

В нашей литературе немало уже говорилось об открытиях Канта в методологии науки. Здесь уместно сказать лишь о некоторых из них. Во-первых, Кант, установив значение математики для науки о природе, показал, что математика может быть приложена к опыту лишь при условии допущения некоторых содержательных онтологических принципов и «конструированных» на их основе образных идеальных моделей физических понятий. Заслуживает внимания мысль Канта о том, что в физике «работает» та же «способность», что и в математике, но в приложении к другому «материалу». Открыв область свободной теоретической конструкции, Кант, естественно, поставил и вопрос об отношении «конструктов» к их объекту. Его учение о модальности понятий содержит в себе прообраз новейшего «принципа наблюдаемости». Во-вторых, наука, по Канту, имеет сложную иерархическую структуру, в рамках которой средние звенья, т. е. эмпирические законы, отчасти дедуцируются из «чистых законов природы», отчасти для их вывода нужен эмпирический материал; высшие звенья выполняют регулятивную функцию по отношению к низшим, являясь условием единства знания на предшествующей ступени. Эти идеи Канта стали понятными позитивистски ориентированным ученым лишь в свете современных попыток аксиоматизации физических теорий. Необходимость синтетических суждений *a priori* означает несводимость физической теории к логике, необходимость содержательных допущений — аксиом. Чистое дедуктивное построение физики, по Канту, невозможно. «Высший принцип синтетических суждений *a priori*» указывает, что система аксиом в конечном итоге оправдывается лишь в целостной системе знания путем ее приложения в опытном исследовании. В учении о регулятивных идеях разума Кант по-своему уловил методологи-

ческую функцию философии по отношению к конкретным наукам. В учении о единстве знания правота Канта в том, что единство объекта еще не гарантирует единство знания о нем и не отменяет необходимости исследования внутренних механизмов познания, обеспечивающих его единство. И, наконец, в-третьих, предельные предпосылки, или «основания» физической теории, имеют, по Канту, «метафизический», т. е. философский характер. Они содержат в себе представление о природе в целом и обусловлены категориальной структурой мышления: «Всякая подлинная метафизика почерпается из самого существа мыслительной способности <...> она охватывает чистые акты мышления, ... единственно которые приводят многообразное содержание эмпирических представлений в закономерную связь. Вот почему физики-математики никак не могли обойтись без метафизических принципов...» (6, 61—62).

Э. Кассирер, исследуя влияние математической физики на Канта, уделил главное внимание анализу понятия «природа». Он утверждал, что новое естествознание отказалось от познания «субстанций и причин», открыв подлинный предмет науки (а вместе с тем и подлинную реальность) — отношения, порядок явлений. Он ссылаясь в подтверждение своего взгляда на авторитет основоположников научной физики и химии¹¹. Кассирера поддержал и Г. Мартин, писавший, что «природа» у Канта — это «механическая закономерность», которая является «полностью и целиком совокупностью чистых отношений. Этот взгляд лежит на самом деле в основе нового естествознания...»¹². Кант определил природу как «порядок и регулярность в явлениях». Если учесть, что рассудок, по Канту, есть способность связывать, упорядочивать, устанавливая отношения (и не обращать внимания на то, что отношения устанавливаются между явлениями, аффицированными вещами в себе), то отсюда ясно, что рассудок и природа — одно и то же. Видно, что в основе идеалистической тенденции у Канта лежит система упрощений и абстракций отождествления. Корень идеализма Канта (и Кассирера) лежит в понятии закона, ставшего центром новой науки. На математизацию как источник идеализма обратил внимание В. И. Ленин¹⁴. Диалектика процесса познания такова, что выделение одних сторон природы требует отвлечения от других, научное изучение движения предполагает отвлечение от того, что движется. То, что у классиков науки было методическим приемом с целью достижения точного и достоверного знания об одной из сторон природы, превратилось у философов-идеалистов в «границы» и «окончательный предмет» познания. Речь идет, по сути дела, о проблеме общего. Значение математической физики для Канта определялось в данном случае необъяснимостью ее основных понятий средствами эмпиризма, так как они не могут быть поняты как родовые понятия. Аргументация Канта «бьет всякий материализм, кроме диа-

лектического». В. И. Ленин отметил, что в основе идеализма лежит убеждение, будто общее есть мысль, «общее (понятие, идея) есть *отдельное* существо»¹⁵, а материя — это непременно что-то «вещное», «телесное» и т. п. Проблема общего, формы, единства всюду питает идеализм Канта. На всем протяжении рассуждений в «Критике чистого разума» он говорит о «формальном» характере своего идеализма, о «формальных» условиях опыта и т. д. Однако из простого требования единства «возможного опыта» едва ли можно вывести какие-либо содержательные «чистые» законы природы. Г. Коген отметил, что на самом деле Кант вывел систему категорий и основоположения не только из логики, но и из принципов механической физики¹⁶, дав им более общую формулировку. Тем самым как состав системы категорий, так и представление о ее законченности и полноте, проистекли, в известной мере, из убеждения Канта в аподиктичности механической физики как единственно возможной науки о природе. Иное представление о науке было бы связано с иным учением о категориях. Анализ показывает: «Значение концепций, развитых классиками философской мысли, не следует слишком тесно связывать с судьбами тех или иных отдельных научных теорий...»¹⁷. Кант исходил не из конкретного естественнонаучного содержания механической физики, но из определенного идеала аподиктической науки, который он сам «сконструировал» на ее основе. Он дал настолько общие и осторожные формулировки «чистых законов природы», «метафизических начал естествознания»: материи, движения, пространства, времени и силы, что без оговорок нельзя говорить ни об абсолютизации классической физики как таковой, ни даже об абсолютизации ее философских оснований. Во всяком случае, здесь требуется специальное исследование. Кант был прав: у естествознания есть не только математические, но и «метафизические» начала. Механическая картина мира лежала в основе физики Ньютона¹⁸ и вместе с экспериментальным исследованием составляла «условие ее возможности». Она длительное время лежала в основе всей классической физики, обеспечивая ее единство как одной науки. Именно она была «идеальной моделью природы» в целом, исходным представлением о строении мира.

История показала, что физическая картина мира меняется. На смену механической пришла электродинамическая, затем — квантово-полевая. Несмотря на предельную осторожность и проницательность, Кант все же канонизировал некоторые черты современного ему естествознания, его стиля мышления. Это признают даже исследователи творчества Канта, ратующие за сохранение его «основного взгляда» (Э. Кассирер, Г. Мартин, К. Вайцзекер, И. Штроемeyer и др.), особенно в отношении «Метафизических начал естествознания». Следует вместе с тем учитывать, что суть кантовской постановки вопроса — в стрём-

млении открыть предельные основания всякого научного взгляда на мир¹⁹. Для опровержения такой постановки вопроса недостаточно ссылки на факт изменчивости научного знания. Надо показать несоответствие кантовской «картины мира» современной как следствие априоризма, который в принципе не может вывести никакой содержательной картины из одних только «условий возможности опыта». Это можно доказать лишь путем марксистского анализа самого феномена научного знания, в частности, генезиса физической картины мира, которая, видимо, играет своеобразную роль «посредника» между физикой и другими областями культуры.

Кантовская постановка вопроса требует показать необходимость подобных предпосылок и их функции, не отодвигая вопроса об их оправдании в «туманную даль» — прошлого или будущего. История науки сама по себе еще ничего не доказывает, ибо она зависит от теории науки. Поэтому опровергнуть трансцендентализм может лишь более глубокая теория, которая лучше, чем Кант, опирается на историю науки, а именно, владеет общей теорией развития. Простое указание на то, что «все меняется», не поднимается выше кантовского априоризма. Оно не улавливает основной мысли Канта. Он знал, что наука развивается, однако считал это обстоятельство «совершенно второстепенным». От предпосылок, думал Кант, мы не можем избавиться даже тогда, когда мним, что вышли за их пределы. Кант остро поставил вопрос: как избежать априоризма, обосновывая истинность научного знания? Дальше Канта смогла пойти только материалистическая диалектика, разработавшая учение о соотношении абсолютной и относительной истины.

Некоторые же философы, и даже физики, и сегодня идут за Кантом. К. Вайцекер, например, считает, что «приближающееся систематическое единство физики требует рефлексии условий возможности единства физики, т. е. рефлексии, на которую не отважился никто, кроме Канта»²⁰. Допущение возможности окончательной науки, по его мнению, не менее обоснованно, чем допущение бесконечного развития. Если же «вообще должна существовать самая общая научная теория, то она должна быть в точности теорией возможности опыта — и более ничем», «система предварительных условий всех возможных опытов и есть самая общая научная теория»²¹, которую Вайцекер и пытается набросать. Он идет даже дальше Канта, утверждая, что будущая научная теория (после создания физики элементарных частиц) «позволит дедуцировать каждую эмпирическую закономерность»²². Такого же взгляда придерживался и А. Эддингтон. Мы знаем, что вывести физику из одних «условий возможности» не удастся. Об этом лишний раз свидетельствуют длительные и безуспешные попытки Канта найти переход от метафизических «начал естествознания» к физике посредством апри-

орного конструирования «теплорода» (6, 597, 600, 647—646, 649).

Если бы априорные конструкции Канта даже полностью соответствовали современной физике, это означало бы всего лишь, что он «гениально угадал» существенные черты имеющегося физического познания на основе анализа классической физики. Кант действительно угадал многое. Тот, кто сравнивает его идеи с современной наукой, поражается количеству «точек соприкосновения» между ними. Он, например, связал модусы времени с основными законами природы. В современной физике основные законы сохранения и фундаментальные характеристики физических объектов связываются со свойствами пространства-времени. Первая «аналогия опыта» сформулирована в столь общей форме, что под «постоянством субстанции» можно понимать и сохранение массы, и сохранение энергии, и константность других физических величин. Кант проницательно связал во «второй аналогии опыта» объективный временной порядок с причинностью.

Сложный, противоречивый характер философии Канта приводит к прямо противоположным суждениям о ее отношении к современной физике. Скажем, большинство исследователей считает, что априоризм Канта полностью опровергнут появлением неевклидовых геометрий и применением геометрии Римана в общей теории относительности. Другие же (М. Лауэ, Э. Кассирер, К. Вайцекер, И. Шнайдер) признают правоту Канта, внося в его учение некоторые поправки. Они ссылаются на тот факт, что Кант допускал возможность неевклидовых геометрий и такое допущение не находится в противоречии с его концепцией. Ошибочным было, очевидно, утверждение о невозможности их «конструировать», т. е. представить наглядно, вследствие чего они не могут быть использованы в физике. Это положение вытекало из убеждения в единственности классической физики. Сторонники априоризма несколько модифицировали точку зрения Канта. В основе физической науки, утверждают они, лежат некоторые первичные пространственно-временные интуиции порядка («быть подле» и «быть после»), которые не следует связывать с какой-либо определенной геометрической структурой²³. Эти «защитники» Канта обходят ту реальную проблему, из которой выросло учение Канта об априорности евклидовой геометрии: проблему выделенности, особого положения евклидовой геометрии среди других геометрий. Это логически простейшая геометрия, все другие возникли на ее основе, и их наглядная компонента заимствована из нее. Главное же заключается в том, что неевклидовы геометрии используются в физических теориях, описывающих микро- или мегаобъекты, которые непосредственно в чувственном восприятии не могут быть даны. Высказывается мысль, что классическая физика адекватно описывает «макромир», т. е. часть объ-

ективного мира, ставшую предметом чувственного восприятия человека. В таком случае евклидова геометрия теснее связана с чувственным созерцанием, чем неевклидовы. Кроме того, она «априорна» (как и классическая физика) в том смысле, что вся информация о физических явлениях, недоступных органам чувств, в конечном итоге проходит через «макромир» и принимает «евклидовы» и «классические» формы. Классическая физика лежит в основе неклассической. Все экспериментальное знание описывается на «языке» классической физики.

Нелегко решить также вопрос: можно ли еще называть геометрией и пространством многомерные, бесконечномерные и «безразмерные» (дискретные) «пространства» современной математики, которые используются в квантовых теориях поля. Кант оказался в некоторой степени прав: понятия пространства и времени оказались исходными и фундаментальными и на эмпирическом, и на теоретическом уровнях исследования, но вопрос о том, какие из абстрактных пространственно-подобных математических структур имеют смысл описания физического пространства, нельзя считать раз и навсегда решенным²⁴. Открыв новые области реального мира, современная физика показала, что проблема геометрии и пространства значительно сложнее, чем это представлялось Канту. Одновременно она дает понять особенности евклидовой геометрии и классической физики, способствовавшие возникновению иллюзии об их «априорности».

Квантовая механика положила начало еще более глубокому перевороту в физических воззрениях. Ее положения использовались как для опровержения, так и для подтверждения субъективизма и агностицизма Канта. Больше всего споров вызвали проблема причинности²⁵ и проблема наглядности. Неоднозначность оценок связана с возможностью различной интерпретации как философии Канта, так и квантовой теории. Соотнося квантово-механическое учение о причинности с теорией Канта, следует учитывать ее противоречивость и «многослойность». Прежде всего, Кант указал на неотъемлемость для естествознания принципа причинности в его наиболее общей форме. В понятии причинности как связи состояний, объективной, закономерной временной последовательности физически взаимодействующих явлений нет еще ни зерна механического детерминизма. Однако Кант, видимо, имел в виду однозначную связь состояний, в которой данные следствия с необходимостью порождаются данными причинами. Возможность принципиально вероятностного поведения материи, как и квантованного характера физических величин, он, конечно, предвидеть не мог. Ограниченность кантовской системы категорий, ориентированной на естествознание, связана и с известной гипертрофией принципа причинности в ущерб другим видам объективной взаимосвязи. Самое же главное в учении Канта о причинности, однако, не в этом, а в том,

что он выводит причинность из субъекта, из сознания, отрицая объективную закономерность природы, не зависящую ни от какого субъекта и его категорий. Этой стороны учения Канта не может доказать ни квантовая, ни какая-либо другая физика. Напротив, открывая в природе новые, неведомые доселе из «априорных соображений» виды объективных связей, физика указывает на неисчерпаемость природы.

Больше всего споров и «субъективистских шатаний» физиков вызвала проблема наглядности в квантовой механике. Она (механика) описывает микроявления двумя противоположными наглядными способами, которые не могут быть совмещены в образе одного объекта²⁶. К. Вайцзекер пишет в связи с этим, что микрообъект «является» нам в опыте то как частица, то как волна. Классическая физика адекватно описывает это его «явление», но об атоме «самом по себе» она еще ничего не говорит. «Атом» в данном случае, по его мнению, есть чисто отрицательное понятие, оно говорит лишь о том, какие виды понятий не следует вводить в физику. Правда, К. Вайцзекер оговаривается, что сходство с кантовой антиномией здесь формальное²⁷. В отличие от него профессиональные философы-идеалисты из подобных рассуждений физиков делают выводы: «современная наука подтверждает своими результатами, что мы не можем узнать вещи в себе, их внутреннюю природу»²⁸. Мы уже видели, что речь идет, по существу, о диалектике развития познания, отражающей диалектику самой природы. Кант отказался от диалектики, выведя за пределы науки «атом сам по себе». Современная физика идет другим путем. Она отказывается от громкого, но пустого титула «аподиктической науки», предпочитая узнать, каков все же атом «сам по себе». Для достижения этой цели она готова пересмотреть любые «априорные принципы».

Вместе с тем кантовские антиномии отразили ту реальную диалектику, которая обнаружилась и в развитии квантовой теории: неизбежное образование внутренних противоречий, которые «сигнализируют» о неадекватности внешнего отношения познания к объекту. Благодаря этому осознается «идеальный» характер прежних представлений («природа не обязана быть такой, какой мы ее представляем») и необходимость выработки качественно новых представлений, перехода на новый уровень познания, к сущности «второго порядка»²⁹. Развитие науки нельзя остановить никакими априорно устанавливаемыми границами, хотя бы они устанавливались и из благих побуждений. Современная наука как никогда остро ставит вопрос об активности субъекта познания, конструирующего множество субъективных моделей, понятий, образов, в которых он пытается осмыслить окружающий мир. Значение вопроса о том, каковы «условия возможности» объективности, истинности этих представлений науки, впервые было осознано Кантом. Ответ же его,

конечно, слишком узок и гипертрофирует лишь отдельные, хотя и существенные, стороны реального процесса познания. Эти «условия возможности» находятся прежде всего в окружающей нас природе, а затем уже — в активной познавательной и практической деятельности человека. Признать объективную истинность научного знания, учитывая его субъективность и изменчивость, может только диалектический материализм. Поэтому в конечном счете самые глубокие корни кантовского идеализма находятся в диалектическом характере познания, который был осознан Кантом и который он пытался «уничтожить», спасая идеал «аподиктической» науки, отказываясь во имя этой цели от материалистического понимания предмета и сущности научного познания, а тем самым и познания вообще.

¹ Асмус В. Ф. Кант М., 1973, с. 40, 186—187; см. также примечания Т. И. Ойзермана к 6-му тому Сочинений И. Канта (М., 1966, с. 667).

² Это хорошо показано В. А. Жучковым. См.: Система философии Канта и ее трансформация в неокантианстве. — В кн.: Кант и кантианцы. М., 1978, с. 10—96.

³ См.: Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. — Полн. собр. соч. Т. 18, с. 206.

⁴ Дробницкий О. Г. Теоретические основы этики Канта. — В кн.: Философия Канта и современность. М., 1974, с. 125.

⁵ Kants gesammelte Schriften. В. XVIII. Berlin, 1928, Refl. 6344.

⁶ Киссель М. А. Идеализм против науки. Л., 1969, с. 134.

⁷ Плеханов Г. В. Сочинения. Т. 18. М.—Л., 1925, с. 327—328.

⁸ Cassirer E. Philosophie und exakte Wissenschaft. Kleine Schriften, 1969, S. 126.

⁹ Martin G. Immanuel Kant. Ontologie und Wissenschaftstheorie. Berlin, 1969, S. 4, 43.

¹⁰ Швырев В. С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М., 1978, с. 63.

¹¹ Cassirer E. Das Erkenntnisproblem in der Philosophie und Wissenschaft der neueren Zeit. В. II. Berlin, 1911, S. 404, 433.

¹² Martin G. Immanuel Kant..., S. 78, 106—107.

¹³ Cassirer E. Das Erkenntnisproblem..., S. 670—672, 737—738.

¹⁴ См.: Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. — Полн. собр. соч. Т. 18, с. 326.

¹⁵ Ленин В. И. Философские тетради. — Полн. собр. соч. Т. 29, с. 329—330.

¹⁶ Cohen G. Kants Theorie der Erfahrung. Berlin, 1918, S. 314.

¹⁷ Абрамян А. А. Кантова философия математики: старые и новые споры. Ереван, 1979, с. 82.

¹⁸ Мостепаненко М. В. Философия и физическая теория. Л., 1969, с. 94—95.

¹⁹ Это отметил В. С. Швырев. См. указ. соч., с. 74.

²⁰ Plaass P. Kants Theorie der Naturwissenschaft. Göttingen, 1965, Vorrede.

²¹ Weizsäcker C.-F. F. v. Die philosophische Interpretation der modernen Physik. Halle/Saale, 1973, S. 17—19.

²² Weizsäcker C.-F. F. v. Kants Theorie der Naturwissenschaft nach P. Plaass. — «Kant-Studien», 1966, 56, H. 3—4, S. 543.

²³ См.: Schneider I. Das Raum-Zeit Problem bei Kant und Einstein. Berlin, 1921, S. 68; Кассирер Э. Теория относительности Эйнштейна. Пг., 1922, с. 89, 90, 92, 108, 115—117.

²⁴ Мостепаненко М. В. Пространство-время и физическое познание. М., 1975, с. 11.

²⁵ Weizsäcker C.-F. F. v. Zum Weltbild der Physik. Leipzig, 1947, S. 88—89; Bröcker W. Kant über Wahrnehmung und Erfahrung. — «Kant-Studien», 66, H. 3, S. 312; Hartmann M. Die philosophischen Grundlagen der Naturwissenschaft. Jena, 1948, S. 203—204; Cassirer E. Determinismus und Indeterminismus in der modernen Physik. Göteborg, 1938, S. 158.

²⁶ См., напр. Schrödinger E. What is matter? — «Scientific American», vol. 189, N 3, 1953, p. 52.

²⁷ Weizsäcker C.-F. F. v. Zum Weltbild..., S. 112.

²⁸ Kaestner H. Kant und die moderne Naturwissenschaft. Die Erörterung der Hauptthesen der «Kritik der reinen Vernunft». — «Zeitschrift für philosophische Forschung». Meisenheim am Glan, 1964, B. 18, H. 1, S. 120.

²⁹ На связь антиномий Канта с понятием антиномий-проблем неоднократно указывал И. С. Нарский.

Л. А. КАЛИННИКОВ

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КАНТОВСКОГО АГНОСТИЦИЗМА

Подобно тому как почти каждое положение кантовской философской системы не может быть воспринято однозначно и вызывает противоречивые истолкования, напряженные столкновения рождает и его утверждение о непознаваемости мира вещей в себе. Оно включено в сложные и многообразные отношения с другими моментами «критической» философии, несущими в себе противоположные, взаимно ограничивающие друг друга тенденции. Эти-то сталкивающиеся тенденции естественно вызывали у последователей Канта стремление очистить их одну от другой и добиться большей определенности в желаемом направлении. «Критика кантианства слева и справа» осуществляется и в отношении кантовского агностицизма, достигая порой антагонистического пафоса.

В интерпретации кантовского агностицизма история философии может опереться на мощную традицию восприятия Канта как скептика чистой воды, сближающую и даже отождествляющую в данном отношении позиции Канта и Юма. Эта субъективно-идеалистическая традиция самым непосредственным образом связана с неокантианством и позитивизмом. Ее не оставил без внимания В. И. Ленин, переворачивая тома и тома писаний философов названных направлений. Известная общность во взглядах Канта и Юма есть, сближение этих философов небеспочвенно. Конспектируя «Науку логики» Гегеля, В. И. Ленин отметил тот факт, что и Гегель не проходит мимо этой общности. Резюмируя рассуждения Гегеля, он пишет: «Кант и Юм — скептики. — И спрашивает далее: В чем Гегель видит скептицизм Юма и Канта?»¹ Ответ В. И. Ленина на этот вопрос таков: «По-видимому, скептицизм Гегель видит здесь в том, что Юм и Кант в «явлениях» не видят *являющейся* вещи в себе, отрывают явления от объективной истины, сомневаются